научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 165.0

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ*

ПРОНЬКИНА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА

Лаборант философского факультета,
Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Российская Федерация, alexrivkul@gmail.com

Ключевые слова:
границы когнитивного
экологическая психология
Дж. Гибсон
воплощенное познание
Ф. Варела
сенсомоторный энактивизм
А. Ноэ
расширенное познание
Д. Чалмерс
Э. Кларк

Аннотация:
В статье рассматривается дискуссионная проблема философии сознания, известная как проблема границ когнитивного. Данную проблему иллюстрирует полемика двух философских позиций, активно дискутирующих между собой, – интернализма, согласно которому ментальные состояния локализованы в мозге, и экстернализма, предполагающего, что когнитивные акты не ограничены пределами тела. Автор анализирует принципиально новую для современной философии сознания теорию расширенных когнитивных процессов и расширенного разума Э. Кларка и Д. Чалмерса, в настоящее время обретшую актуальные измерения. Показано, что данная концепция в своем основании опирается на идею активности субъекта, уходящую своими корнями в построение «экологической психологии» Дж. Гибсона, идею «воплощенного познания» (Embodied cognition) Ф. Варелы и теорию сенсомоторного энактивизма А. Ноэ. Автор приходит к выводу, что теория расширенных когнитивных процессов имеет ряд проблем, одна из которых – зависимость от внешних ресурсов и инструментов. Как решение этой проблемы, рассматривается размышление Д. Чалмерса о том, что нам не стоит пытаться нивелировать негативные эффекты такой зависимости, а попробовать адаптировать наши практики под изменяющиеся способы мышления.

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 24 сентября 2021 года Опубликована: 25 октября 2021 года

Введение

Где заканчивается разум, сознание, когнитивные процессы субъекта и начинается внешний мир? Каким содержанием обладают ментальные состояния – внутренним, и, следовательно, ограниченным, или внешним, неограниченным? Поиску ответа на данный вопрос о границах когнитивного служит полемика двух философских позиций, активно дискутирующих между собой, – интернализма и экстернализма.

Несмотря на то, что в настоящий момент в дисциплинах, исследующих психические процессы, доминирует интерналистский подход, согласно которому ментальные состояния локализованы в мозге, экстерналистские теории сознания, активно разрабатываемые в современной философии сознания и когнитивной науке, все больше и больше набирают силу. Прежде всего, данный феномен связан с публикацией статьи в 1998 году философов Энди Кларка (Andy Clark) и Дэвида Чалмерса (David Chalmers) «The extended mind», в рамках которой была изложена принципиально новая теория

расширенных когнитивных процессов и расширенного разума, предполагающая, что когнитивные акты не ограничены пределами тела.

Прежде чем приступить к рассмотрению их взглядов, стоит отметить, что данная концепция в своем основании опирается на идею о принципиальной активности субъекта, уходящей своими корнями в построение «экологической психологии» Дж. Гибсона. Чтобы лучше понять теорию расширенного разума, следует остановиться на идеях Гибсона подробнее.

«Экологическая психология» Дж. Гибсона

Дж. Гибсон, отказываясь от традиционного понимания состояний и содержания ментальных процессов, формулирует совершенно новую парадигму когнитивных исследований, стоящую на позициях эпистемологического реализма.

К началу становления когнитивистики как области научного исследования, в понимании феномена восприятия выделилось два подхода, исходящих из противоположных друг другу предпосылок: идея «непрямого восприятия» и «прямого восприятия», или «прямого реализма». Для непрямого, или конструктивистского подхода, исходной задачей являлась интерпретация ощущений, которые вызываются отдельными стимулами. Исторически восприятие как чувственное познание предметов и объективных ситуаций, субъективно представляемое непосредственным, понималось как совокупность элементарных единиц чувственности – ощущений, чувственных данных. Однако, если для представителей эмпиристского сенсуализма опыт сам создает ассоциации ощущений т. е. восприятие происходит без активности самого субъекта, то для интеллектуалистов субъект играет активную роль в восприятии, строя, конструируя его, при этом сама сенсорная информация обрабатывается с помощью определенных правил или эталонов. С появлением же когнитивной науки в 60-е годы XX века восприятие стало рассматриваться по аналогии с мышлением, пониматься как его разновидность. Появилась идея о том, что построение восприятия предполагает деятельность мозга на основе репрезентаций сознания [10]. Так, поскольку ощущения, как «следы» воздействия внешнего мира на сенсорную систему, явно не являются неоспоримыми и несомненными единицами опыта, то представители идеи непрямого реализма были вынуждены постулировать определенные процессы их коррекции с помощью мышления или памяти (например, «бессознательные умозаключения» Г. Гельмгольца). В подтверждение этому, можно привести построения Дж. Брунера, Р. Грегори и других представителей когнитивной психологии, для которых восприятие – это всегда процесс осмысления, категоризации того, что воспринимается. В процессе этого происходит принятие интеллектуального решения, вне которого восприятия не произойдет.

Точка зрения прямого реализма была сформулирована в середине XX века Дж. Гибсоном. Гибсон радикально порывает с основными постулатами, установленными в рамках философской и психологической традиции изучения восприятия. Во-первых, это мнение о том, что помимо самого процесса восприятия, существует и отдельно данный его результат – продукт, «идеальный объект», перцепт. Это специфическое идеальное образование, существующее исключительно в сознании субъекта, должно каким-то образом соотноситься с реальностью, т. е. субъект должен «спроецировать» полученный образ на внешний мир. Вопрос того, как и на каких основаниях возможно это соотнесение, был предметом продолжительных споров. Внешний мир понимался как своеобразный пусковой механизм, который, воздействуя на органы чувств, оставлял определенные «следы», а после не играл никакой роли. На основании этого остается непонятным, как воспринимающий субъект может иметь дело с реальностью, если то, что ему непосредственно доступно, – не внешний мир, а его собственные субъективные состояния. Даже в случаях, когда субъект понимается как активный конструктор, он остается замкнут в рамках собственного сознания.

Гибсон начинает исходить из того, что восприятие – это активный процесс извлечения информации о внешнем мире, а не «обработка» следов воздействия мира на сенсорную систему познающего, поэтому важно понимать восприятие не как процесс, который происходит «внутри», в сознании субъекта, а рассматривать его во взаимодействии с окружающим миром. Неслучайно лозунг последователей Гибсона звучит как: «Не спрашивай, что внутри твоей головы, а спрашивай, внутри чего твоя голова» [1: 164].

Своему новому подходу Гибсон дает название экологической психологии. Модель восприятия названа «экологической», поскольку, согласно Гибсону, процесс восприятия происходит не в искусственно созданных условиях лабораторного эксперимента, а в комплексной среде окружающей действительности. Без предварительного уточнения того, что может восприниматься, а что нет, мы ничего не можем сказать о самом процессе восприятия, поэтому отправной точкой исследования служит

описание окружающего мира. Важно понимать, что физическое «пространство», объемлющее все сущее, является совсем не тем миром, который окружает человека или животного в их повседневной жизни. В процессе жизнедеятельности мы сталкиваемся с событиями или предметами, взаимодействуя с которыми, мы воспринимаем и познаем себя и мир вокруг, но наши органы чувств никак не способны обнаружить предметы физического микро- или макрокосма, которые находятся далеко за пределами доступа наших воспринимающих систем.

Важная часть концепции Гибсона – теория возможностей (theory of affordance) , согласно которой каждое существо в мире выделяет только то, что соответствует его возможностям. Так как возможность одновременно относится и к окружающему миру, и к субъекту восприятия, то она понимается как взаимодополненность этих двух миров.

Однако, если реальность так многообразна и многослойна, то на первый взгляд кажется, что каждое существо заключено в рамки исключительного того мира, который он способен воспринимать, совершенно не пересекаясь с другими уровнями реальности. Такая позиция отрицает существование единого мира и больше похожа на идею о том, что познающий конструирует мир в соответствии со своими особенностями. Данную идею будет развивать Ф. Варела и его соавторы в книге «Воплощенный разум: когнитивная наука и человеческий опыт». Варела заявляет, что не является ни реалистом, ни идеалистом. По его мнению, необходимость в том, чтобы живое существо представляло мир, отсутствует, так как субъект и мир не разделены. Мир определяется исключительно сенсомоторными возможностями субъекта. Субъект не строит ментальные репрезентации, не обрабатывает поступающую извне информацию, а конструирует свой собственный мир. Строя и перестраивая собственные схемы деятельности, субъект, тем самым, конструирует и самого себя. «Познание не есть репрезентация предзаданного мира предзаданным умом, а, скорее, энактивирование (enactment) мира и ума на основе истории разнообразия действий, которые живое существо совершает в мире» [17: 9].

Стоит отметить, что в действительности телесно-воплощенный подход может быть понят иначе. В связи с этим, мы хотели бы остановиться на концепции т. н. конструктивного реализма [11]. Обратим внимание, что познающие существа хоть и выделяют разные особенности реальности, однако они все-таки живут в одном мире. Действующее и познающее существо, взаимодействуя с доступной ему реальностью, одновременно контактирует и с реальностью другого существа, хотя и не воспринимает ее непосредственно. В этой связи эпистемологи говорят о перцептивной замкнутости человека. Для Дэвида Юма перцептивная замкнутость подразумевает и замкнутость когнитивную, т. е. то, что недоступно для нашего восприятия, не может быть познано. Да, в контексте человеческого сознания мы действительно можем говорить о перцептивной замкнутости, но значит ли это принципиальный отказ от изучения того, что выходит за пределы природных ограничений человека? «И если мир голубя окрашен в пять цветов, перед бабочками открывается неожиданное великолепие мира в ультрафиолетовом свете, недоступное человеческому глазу, ночные животные (волки и другие хищные звери), как правило, не различают цветов, т. е. видят мир черно-белым, а палитра красок мира, предстающая перед человеческим глазом, широка и включает в себя множество цветов и оттенков цвета, то не имеет смысла вопрошать, каков подлинный цвет мира» [9]. Все-таки то, как познает мир бабочка или голубь, т. е. то, что человек не способен воспринять непосредственно, он может узнать при помощи инструментов, приборов и построения научных теорий.

«Воплощенное познание» (Embodied cognition)

Итак, утверждать, что познание активно – значит принимать тот факт, что оно существенно зависит от деятельности познающего. Фактически каждое положение теории извлечения информации Гибсона находит свое отражение в одном из течений современной когнитивной науки, новой эпистемологической программе, известной как «воплощенное познание» (Embodied cognition). Представители данного подхода утверждают, что при изучении различных познавательных процессов невозможно игнорировать телесную организацию субъекта, поскольку тело – это то, что вписано в окружающую среду, а сам физический мир понимается как полноправная часть когнитивной системы индивида. Для того, чтобы разобраться в процессах познания, необходимо изучать как познающего субъекта, так и среду, в циклическом взаимодействии с которой он находится. В качестве объяснения специфической организации когнитивных процессов и структур используются особенности сенсомоторной активности организма. Исходя из этого, восприятие начинает осмысливаться в рамках действия, полностью отвергая классическую для теории познания и когнитивной науки модель репрезентационализма, согласно которой наш мозг обрабатывает поступающую из внешнего мира информацию и на этой основе вырабатывает соответствующую реакцию: «…к феномену познания

нельзя подходить так, будто во внешнем мире существуют некоторые “факты” или объекты, которые мы постигаем и храним в голове. Полученные из опыта данные о мире особым образом утверждаются структурой человека, в результате чего мы получаем представление о “вещи” и возможность описать ее» [12: 23]. Данное положение было точно сформулировано в виде афоризма У. Матураной и Ф. Варелой, одними из основателей воплощенного подхода, в книге «Древо познания»: «Всякое действие есть познание, всякое познание есть действие» [12: 23].

Традиционно момент зарождения телесно-ориентированного? подхода связывают с выходом в 1991 году публикации Франсиско Варелы, Элеоноры Рош и Эвана Томпсона «Воплощенный разум: когнитивная наука и человеческий опыт». Мотивацией для написания послужила обеспокоенность тем, что когнитивная наука стала слишком оторвана от человеческой повседневности, тогда как, по мнению авторов, когнитивная наука и индивидуальный опыт должны взаимно обогащать друг друга.

Философским основанием телесно-ориентированного подхода служат работы французского феноменолога М. Мерло-Понти. Идеи воплощенности сознания базируется на различении объективного биологического тела, выступающего в роли основы или среды для когнитивных процессов, и тела феноменального, или переживающего, которое сопряжено с опытом в актуальный момент времени. Феноменальное тело не является объектом, подобным прочим объектам этого мира, оно есть не вещь в мире, а специфическое отношение к окружающей действительности. Наше собственное живое тело – субъект восприятия, условие для «сознательного Я». По мнению Варелы и его соавторов, для того, чтобы преодолеть разрыв между повседневностью и когнитивной психологией, психологам необходимо показать, что предмет их изучения сводится не только к физическому, но и к феноменальному телу, которое играет значительную роль.

Итак, центральной идеей телесно-воплощенного подхода является утверждение, согласно которому познание есть «воплощенное действие»: «Используя термин воплощенный, мы стремимся выделить два момента: первое, когнитивные процессы зависят от того вида опыта, который происходит в результате обладания телом с различными сенсомоторными навыками, и, второе, эти индивидуальные сенсомоторные навыки сами являются встроенными в более обширный биологический, психологический и культурный контекст. Используя термин действие, мы стремимся подчеркнуть еще раз, что сенсорные и моторные процессы, восприятие и действие, фундаментальным образом неотделимы друг от друга в контексте живой когнитивной системы» [17: 172]. Авторы показывают, что восприятие и действие взаимно обуславливают друг друга, являясь замкнутыми в определенной цикличности: содержание восприятия прямо зависит от характера действия воспринимающего субъекта, в то время как действия, которые он совершает, направляются его собственным специфическим способом восприятия мира.

Одним из ключевых элементов подхода «воплощенное познание» является изменение самого предмета изучения. Наравне с типичными объектами классической когнитивной психологии, такими как внимание, память, мышления и др., стало изучаться все, что связано с активностью самого субъекта в момент познания – репрезентации собственного тела, феноменальный опыт и др. В настоящее время существует несколько попыток очертить область исследований воплощенного познания, одна из которых, наиболее известная и исчерпывающая, принадлежит Маргарет Уилсон, которая выделяет шесть характеристик данного подхода [4]:

1) *Укорененность познания в определенном контексе среды*. Познание, укорененное в среде, включает в себя взаимодействие с окружающим миром. Познание ограничивается рамками текущей ситуации: поступающая перцептивная информация оказывает влияние на познавательный процесс, в то время как моторная активность изменяет непосредственное окружение индивида. Разговор по телефону во время приготовления ужина, вождение – все это познавательная активность, укорененная в среде. Однако человеческое познание, помимо непосредственного взаимодействия с окружением, может быть столь же отдалено от него. Сюда относится сам процесс мышления на уровне абстракций, воображение, сновидения и другие формы мыслительной активности. Несмотря на то, что познавательная деятельность здесь протекает автономно, без связей с внешними раздражителями и соответствующими реакциями на них, она не перестает быть познанием. В ответ на это возражение Уилсон приводит аргумент, согласно которому взгляд на то, что наше познание укоренено в среде, уходит корнями в эволюционную историю, когда раньше ценность умственных способностей прежде всего имела значимость для выживания (необходимость быстро реагировать на внезапно возникшую ситуацию). Таким образом, «укорененное» познание есть фундаментальная познавательная характеристика, даже если она не всегда вписывается в современные реалии.

2) *Познание разворачивается в условиях дефицита времени*. Укорененное познание разворачивается в реальном времени, т. е. выполнение действия ограничивается временными рамками;

3) *Окружающая среда снижает нагрузку на когнитивную систему*. Из-за дефицита времени, ограниченности наших познавательных процессов (особенностей внимания, объема рабочей памяти [15]), требуются определенные стратегии познавательной разгрузки. Одна из них – использование окружающей среды как «внешней» памяти, дополнительного хранилища информации. Эта идея находит свои истоки еще в построениях Гибсона, который полагал, что у нас нет необходимости использовать собственную память, поскольку информация всегда присутствует актуально, в наличии в окружающей среде. Таким образом, мы изменяем окружающую среду так, что уменьшить оставшуюся познавательную работу.

4) *Окружающая среда является полноправной частью когнитивной системы*. Как и у Гибсона с его концепцией воспринимающих систем [2], в телесно-ориентированном подходе когнитивная деятельность рассматривается целостно, системно. Мозг, тело, психика живого существа, его окружение – все это предстает как единая система, взаимодействующая в действии. Познание не является результатом исключительно психической активности: «…движущие силы познавательной деятельности не “прописаны” только в голове субъекта, вместо этого они локализованы во взаимодействиях субъекта и ситуации. Поэтому для того, чтобы понять познание, мы должны изучать ситуацию и находящегося в ней познающего субъекта совместно – как единую систему» [4];

5) *Автономное (off-line) познание, т. е. познание, оторванное от среды, так же основывается на телесном опыте*. Утверждается, что многие абстрактные познавательные виды деятельности используют сенсомоторные функции, однако не явно, а скрытым образом. Автор приводит пример со счетом на пальцах: в развернутом виде такая активность представляет собой набор явных движений, но что, если мы «уберем» активность, оставив лишь запуск двигательных программ, но не движение в явном виде? Такая умственная деятельность может успешно использоваться для сопровождения задачи счета на пальцах. В связи с этим стоит отметить теорию воплощенных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой большинство таких выражений языка, как понятия, тесно связаны с пространственными отношениями и телесной организацией. Например, когда мы говорим о понятии «коммуникация», мы представляем, как нечто (мысль, идея, знание) метафорично передается из одного вместилища в другое, грубо говоря – из одной головы в другую. Получается, что наши представления о коммуникации основываются на наших знаниях о движении реальных физических объектов.

6) *Познание предназначено для действия.* Е. Князева пишет: «Телесный разум не просто активен, он энактивирован (enacted): ум выполняет свои когнитивные функции в действии и через действие. Ум организует себя через взаимодействие с окружающей средой. Познавательная активность есть *вдействование* организма в среду» [9]. Энактивизм (от англ. enactivism) – это позиция, согласно которой активность субъекта есть основное воплощение познавательных процессов. Восприятие и моторика не просто пассивно воспринимают информацию и реализуют некоторый моторный ответ, а активно конституируют феноменальный опыт познающего субъекта, определяя содержание этого опыта и сопутствующих когнитивных процессов.

На данный момент исследователи выделяют три ветви энактивизма: аутопоэзисный, радикальный, сенсомоторный. На сенсомоторном энактивизме, представленном именем Алва Ноэ, мы хотели бы остановиться подробно, поскольку в его работах будет сформулирован принципиально новый подход к восприятию.

Сенсомоторный энактивизм А. Ноэ

Говоря об энактивистском подходе, Ноэ пишет: «Центральное утверждение того, что я называю энактивистским подходом, заключается в том, что наша способность восприятия не только зависит, но и конституируется нашим владением определенного рода сенсомоторного знания» [16: 2]. Процесс восприятия подобен осязанию: перцептивный опыт приобретает содержание благодаря тому, что мы обладаем телесными навыками. То, что мы воспринимаем, определяется тем, что мы делаем. Способность живого существа к самодвижению тесно связано с обладанием практическим знанием о том, как изменяются стимулы в результате разных способов движения: так, звук становится громче, а объект – больше, по мере того, как мы приближаемся к нему, мы щуримся, вытягиваем шею, используем очки, чтобы получше рассмотреть объект. Как отмечает Ноэ, мы являемся хозяевами такого рода паттернов сенсомоторной зависимости. Движения же, в свою очередь, зависят от способности индивида определенным образом воспринимать самого себя. Таким образом, восприятие – это род определенной активности всего живого существа.

Итак, мы подошли вплотную к концепции последней из четырех «E» (Embodied cognition, enacted, embedded, extended), а именно – теории расширенного познания. Extended cognition (от англ. extend –

расширять, расширяться) – наиболее радикальная позиция из обозначенных. Согласно данной теории, когнитивная система организма не только ограничена границами собственного тела, но расширена во внешнюю среду. На наш взгляд, основания данной позиции можно увидеть еще в одной из центральных концепций затронутого ранее «воплощенного познания», а именно т. н. теории автопоэзиса.

Ф. Варела и У. Матурана утверждают, что все живые системы являются замкнутыми системами, находящимися в циркулярном взаимодействии с окружающей средой, которая в действительности является частью их собственной структуры [9]. Такая система воспроизводит саму себя, замкнута на себе, поэтому становится трудным провести границу между «внешним» и «внутренним». Подобную идею можно найти и у Гибсона, когда тот предпринял попытку снять дихотомию между «объективным» и «субъективным» миром, показывая, что граница между этими мирами условна и подвижна: например, человек имеет возможность прикреплять что-либо к телу. Если взять в руки ножницы, данный изолированный объект перестает быть частью окружающего мира – ножницы становятся неким продолжением руки.

Автопоэзис (от греч. αυτος – сам + ποιησις – производство, творчество) есть самопроизводство, самоподдержание живых существ, Опираясь на это, Варела и Матурана предложили рассматривать данный аутопоэтический принцип как сущность жизни во всех ее проявлениях. Они отталкивались от разработанной ими компьютерной модели искусственной жизни, представленной в виде клеточного автомата, который имитировал зарождение замкнутых на себя структур, клеток. Образовавшиеся структуры могли узнавать о нарушении связей в системе для того, чтобы их восстановить. Именно эта способность «узнавания» легла в основу определения сущности феномена познания. С этой точки зрения главная особенность живых существ – это воспроизводство самих себя. Внешние воздействия на эти системы служат лишь внешним толчком для последующего производства внутренних структурных изменений, которые служат для самоподдержания системы. Такие структурные изменения с «внутренней» позиции выглядят как процесс познания мира, хотя в действительности это есть не что иное, как конструирование реальности. Познание, с точки зрения Варелы и Матураны, «должно быть понято как перестройка аутопоэтической системой самой себя в ответ на толчок извне» [9].

Аутопоэзисный энактивизм получил свое дальнейшее развитие в работах Эвана Томпсона, который сформулировал основные тезисы для данного подхода. Во-первых, основываясь на принципах самовопроизводста и самоорганизации сложных систем, живые существа предстают как автономные агенты, активно порождающие и поддерживающие свою познавательную активность и собственную идентичность. Во-вторых, то, что человек называет объективным миром, на самом деле есть конструкция его нервной системы. Познаваемая реальность – не предзаданный внешний мир, который репрезентирует мозг, а лишь ограниченная область, которая конструируется субъектом и существует только в связке с ним. Нервная система создает значение (sense-making), а не обрабатывает информацию, как это было в вычислительном подходе. В-третьих, формой воплощенного действия выступает познание, зависимое от феноменального опыта. Источником этого феноменального опыта является само тело и сенсомоторная активность, встроенная при этом в более широкий биологический, психологический и культурный контекст.

Активный экстернализм или «теория расширенного познания»

Дальнейшее расширение границ когнитивного за пределы тела субъекта приводит нас к так называемому умеренному экстернализму, который основывается на семантическом экстернализме Х. Патнэма, идея которого была высказана в статье 1975 году «Значение “значения”». Общий принцип семантического экстернализма – это тезис о том, что наличие или отсутствие у субъекта некоего свойства зависит от фактов о том, как существо связано с окружающей средой. Другими словами, если два абсолютно идентичных организма поместить в разные части мира, они приобретут разные свойства вследствие различия окружений. Авторы «Стэнфордской философской энциклопедии» приводят следующий пример: экстернализм является истинным в отношении комариных укусов, поскольку для их получения требуется быть укушенным комаром. След на коже, оставленный тщательной микрохирургией, не является укусом комара, даже если по своей сути он не отличим от настоящего.

Иллюстрацией семантического экстернализма служит эксперимент с Землей-близнецом, демонстрирующий, что небольшая часть нашей собственной когнитивной системы буквально находится за ее пределами и обуславливается внешними факторами. Попав в такую ситуацию, субъект сохраняет все свои функциональные и физические характеристики, но из-за того, что окружающая его среда изменилась, меняются и его убеждения. Говоря о недостатках классического экстернализма Кларк и Чалмерс отмечают, что внешние характеристики окружающей среды были пассивными, отдаленными от

субъекта. Также, доказывая тезис о том, что содержание ментальных состояний зависит от факторов внешней среды, данный вариант экстернализма, как пишет исследователь Д. Иванов, «…не опровергает интернализм относительно самих ментальных состояний, которые по-прежнему мыслятся как внутренние психические состояния» [6: 34].

Такого недостатка лишена теория расширенного сознания, или активный вариант экстернализма, как его называют сами авторы, основанный на активной роли окружающей среды в управлении когнитивными процессами. Другими словами, объекты внешнего, окружающего субъект мира могут быть включены в когнитивную систему как ее элементы. Аргументация данного тезиса отталкивается от мысленного эксперимента, в котором предложены три воображаемых ситуации:

(1) Человек сидит перед экраном компьютера, на котором отображаются изображения различных двумерных геометрических фигур. Его просят ответить на вопрос о потенциальном соответствии фигур и выемок различной формы. Все фигуры развернуты под произвольным углом, поэтому для нахождения соответствия необходимо мысленно их поворачивать.

(2) Человек сидит перед таким же экраном компьютера, но на этот раз может выбрать либо физическое вращение изображения на экране, нажав кнопку поворота, либо мысленное вращение, как и раньше.

(3) Далекое будущее. Человек сидит перед тем же экраном, что и раньше, но в этот раз в его мозг вживлен нейроимплант, позволяющий усилием воли вращать фигуру так же быстро, как это делает компьютер. Для решения задачи человек может выбрать между мысленным вращением и вращением с помощью импланта.

В какой степени когнитивный процесс, познание присутствует в каждой из рассмотренных ситуаций? По мнению автора, все три ситуации идентичны: не имеет никакого значения, где эти ситуации реализованы в действительности. Кнопка во втором примере демонстрирует ту же вычислительную структуру, что и имплант в третьем – сознание расширяется за счет усвоения инструментов из внешней среды. Данный пример, как пишут Кларк и Чалмерс, отнюдь не столь экзотичен, как может показаться на первый взгляд. Проблема возникает не столько из-за наличия современных внешних вычислительных мощностей, сколько из-за склонности в значительной степени опираться на них. Мы пользуемся ручкой и листком бумаги при умножении больших чисел, используем инструменты вроде логарифмической линейки, а также, в более общем случае, опираемся на книги, язык и культуру в целом. Во всех таких случаях мозг выполняет только лишь отдельные операции, «“делегируя” все остальное внешним ресурсам, манипуляции с которыми в сущности являются когнитивными операциями» [7: 29].

Возвращаясь к теории расширенного сознания, все приведенные выше аргументы можно описать т. н. принципом паритета, который приводят сами авторы статьи: если какая-то часть окружающего мира функционирует как когнитивный процесс, значит она является элементом когнитивного процесса. В этой связи стоит поговорить о границах самого субъекта.

В настоящее время технологии становятся частью нашего сознания. Мы привыкли к идее, что мы можем совершенствовать свое тело с помощью технологий (например, протезирования). Незрячий человек скажет, что трость – это продолжение его тела, как и машина для автомобилиста. Если говорить о чем-то более повседневном, наш собственный смартфон берет на себя многие функции нашего мозга.

В качестве примера можно рассмотреть одну из центральных когнитивных способностей человека – память. Очевидно, что никто уже не заучивает наизусть номера мобильных телефонов. Фотографии в фотоальбоме заменили фотопленки в социальных сетях, служащие своеобразной «лентой» воспоминаний. В психологии известно о таком феномене, как трансактивная память. Традиционно под трансактивной памятью понимают явление, при котором люди полагаются на память своих близких и родных. Например, такого рода память свойственна супругам: за годы совместной жизни пары начинают неосознанно распределять необходимые для запоминания данные между собой, чтобы сократить объем хранимой информации для каждого из партнеров [3: 164]. Иными словами, опираясь на теорию расширенного познания, границы субъекта очерчиваются границами другого индивида.

В цифровую же эпоху люди все больше предпочитают запоминать не саму информацию, а только место в Сети, где ее можно впоследствии отыскать, путь к ней [18]. Подобный феномен называют «гуглизация мышления», а само поколение – «поколение Google». Зачастую подобное партнерство трансактивной памяти человека и компьютера приводит к когнитивным искажениям: например, интернет начинает восприниматься как часть личных умственных способностей человека, или то, как мы все чаще начинаем сомневаться в собственных личных знаниях в пользу информации, найденной в

Сети [3]. Все это ведет к упадку культуры, а культура, как пишет H. Карр – это «нечто большее, чем совокупность “мировой информации”, как считает Google. Это то, что невозможно превратить в бинарный код и загрузить в Сеть. Для того, чтобы выжить, культура должна обновляться в мозге представителей каждого поколения. Отдайте воспоминания на аутсорсинг, и культура увянет» [8].

Для поддержки своего тезиса о расширенном разуме авторы приводят следующую гипотетическую ситуацию. Страдающий от болезни Альцгеймера Отто, как и другие субъекты с данной болезнью, для того, чтобы совершать адекватные поступки, пользуется информацией, которая находится в окружающей его среде. Чтобы восполнить дефицит своей биологической памяти, Отто использует записную книжку, в которой хранит важную информацию. Итак, однажды Отто узнает о том, что в Музее современного искусства проходит выставка. Он заглядывает в книжку и отправляется по адресу, указанному в ней. В противовес Отто существует Инга, которая полностью опирается на собственную память. Записная книжка для Отто – то же, что и биологическая память для Инги. Этот пример позволяет Кларку и Чалмерсу утверждать, что некоторые элементы психики находятся в записной книжке Отто.

Данная гипотеза имеет ряд спорных моментов. Прежде всего, как нам кажется, долговременные воспоминания здоровых людей и дневниковые записи такого рода, как пишет М. Сущин «квазирасширенных субъектов», не равнозначны [14: 174]. Конечно, наша память работает далеко небезупречно и известен целый ряд ее существенных ограничений, но поскольку возможно без ведома самого субъекта изменение записей в записной книжке, то Отто будет руководствоваться в своих действиях новой информацией точно так же, как он руководствовался старой, сколько бы правок не было внесено.

Далее, если предположить, что Отто вместо старомодной записной книжки использовал бы смартфон, то для него вряд ли была бы разница между информацией, которую он внес в память сам, и уже предустановленными автоматически или другими людьми справочниками, словарями, энциклопедиями и т. д. Если для Инги объем ее знаний постулируется прошлым опытом, то определить границы памяти Отто становится проблематичным.

Следующая проблема активного экстернализма связана с неверным пониманием сущности знака, значения и коммуникации [5: 96]. На самом деле, принципиальной разницы между Отто и Ингой нет, различия есть только в объеме самой памяти. Инга помнит адрес музея, Отто же – нет. Но точно так же Инге недоступны адреса других заведений, и на основании этого она может обращаться к сторонним объектам – справочникам, интернету и др. В этом смысле Инга не отличается от других людей и от Отто. «Справочник Инги, тексты Отто и других людей – это кодовая репрезентация информации, системы знаков, в которых никаких психических элементов, в том числе мыслей, нет. Если Отто и Инга обладают знанием значений этих знаков, то последние актуализируют знания в сознании этих лиц. Таким образом, при пользовании внешними кодами психика человека никуда за его пределы не выходит. Трансляционные коды, представленные системами знаков, выступают не в качестве носителя психических явлений, а в качестве условиях их актуализации» [5: 97].

«…Внешние коды не обладают субъективным проявлением, внутренней обращенностью. К примеру, книга, напечатанная в прошлом веке, как и в наше время, не содержит в себе знания, как не содержит и каких-либо моментов идеального. Она обладает лишь возможностью актуализировать у субъекта соответствующие ментальные явления» [5: 97]. Другими словами, идеальные образы выражаются в форме совокупности знаков. Сама же книга не содержит идеальных, или ментальных, психических явлений. Содержание книги – не сознание, а лишь совокупность знаков, являющихся кодовой репрезентацией действительности. Так, то, что в книге отсутствуют идеальные значения (мысли, образы), доказывает ситуация, когда с книгой будет иметь дело человек, который не знаком со значением книжных слов, поскольку при восприятии знака у субъекта актуализируется только то значение, которое ему уже известно. В результате этого субъект усваивает новое значение и приобретает новые знания.

В этой связи можно вспомнить К. Поппера, считавшего, что в элементах культуры имеется объективное знание, которое составляет особый, «третий» мир [13: 450]. В доказательство этого он предлагал следующий мысленный эксперимент. Представьте, что все наши орудия труда и машины разрушены, уничтожены все субъективные знания, включая знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако библиотеки сохранились, что дает нам основание без особых трудностей создать подобные машины снова. Следующая ситуация подразумевает, что, как и прежде, машины и орудия труда разрушены, уничтожены наши субъективные знания о них, а также умение пользоваться ими. Но в этот раз уничтожены и библиотеки, поэтому наша способность учиться, используя книги,

становится невозможной.

Как было указано ранее, в текстах и других артефактах как такового знания нет. В момент чтения мы приписываем синтаксическим знакам определенный смысл. Сам же текст каких-либо семантических характеристик лишен.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз остановиться на одной из проблем, которую вызывает активный экстернализм, а именно – зависимость от внешних ресурсов и инструментов. С одной стороны, такая зависимость действительно присутствует, особенно в современную цифровую эпоху, о чем упоминалось ранее в статье. Но, с другой стороны, так ли эта зависимость плоха? Д. Чалмерс высказал одну любопытную мысль: возможно, нам стоит не пытаться нивелировать негативные эффекты такой зависимости, а попытаться постепенно адаптироваться к ней, адаптировать наши практики под изменяющиеся способы мышления.

Это дискуссионный вопрос, требующий дополнительных размышлений. В настоящее время мы все сильнее опираемся на цифровые технологии в нашей повседневности. По этой логике, наши социальные институты также должны трансформироваться. Ведь на протяжении всей истории цивилизации, с возникновения письменности, мы делегировали часть собственных когнитивных функций внешним объектам. Со временем же эта доля растет. «Несмотря на то, что язык и письменность, по большому счету, всегда являлись продолжением нашего мышления за пределами мозга и тела, только в последние десятилетия в мире установилось то, что Энди Кларк называет “метакогнитивной экономикой”. Важны теперь не сами по себе факты и информация, а знание того, как и где быстро достать эту информацию. Собственно, обучение сегодня – это не накапливание фактов в голове, а освоение надежных источников этих фактов и умение с ними работать. Лучшее применение биологического мозга сегодня – это “метаменеджмент” – не решение когнитивных задач, а их эффективное делегирование» [7: 53].

*Статья подготовлена при государственной финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. 2006. 448 с.

2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.

3. Голубинская А.В. Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. №1. С. 161–167.

4. Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова и М. В. Фаликман. – М.: Языки славянских культур; М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012. 320 с.

5. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Критический анализ концепций персонализма и расширенной психики //Философские науки. – 2017. – №. 12. С. 88-106.

6. Иванов Д. В. Экстернализм и теория расширенного сознания // Философия науки и техники. – 2019. – Т. 24. – №. 2. С. 33-42.

7. Игнатов В. И. Проблема границ когнитивных процессов в современной философии сознания: анализ позиций интернализма и экстернализма на примере дискуссии о расширенном разуме: магистерская диссертация по направлению подготовки: 47.04. 01-Философия. – 2019.

8. Карр Н. Пустышка: Что интернет делает с нашими мозгами. – СПб.: Best Business Books, 2012. 256 с.

9. Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон. – 2012. С.315-351.

10. Лекторский В.А. Познание, действие, реальность // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 5-23.

11. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 464 с.

12. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-традиция. – 2001. 224 с.

13. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М 1983. 605 с.

14. Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук / Общ. ред. и сост. В.А.

Лекторского (Отв. редактор), Е.О. Труфановой, А.Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2017. 234 с.

15. Фаликман М., Спиридонов В. Когнитивная психология: история и современность // М.: Ломоносовъ. – 2011. 384 с.

16. Noe A. Action in Perception. – MIT press, 2004. 227 p.

17. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991. 328 p.

18. Sparrow B., Liu J., Wenger D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. Vol. 333. No. 6043. 2011. p. 776-780.

REFERENCES

1. Velichkovskiy B.M. Cognitive science: foundations of epistemic psychology. Vol. 1. M.: Izdatel'skiy tsentr “Akademiya”, 2006. (In Russ.)

2. Gibson J. The ecological approach to visual perception. M.: Progress, 1988. (In Russ.)

3. Golubinskaya A.V. Neurocognitive approach to generation Z. Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. No. 1. (In Russ.)

4. Gorizonty kognitivnoy psikhologii: Khrestomatiya / Pod red. V. F. Spiridonova i M. V. Falikman. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur; M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet (RGGU), 2012. (In Russ.)

5. Gubanov N.I., Gubanov N.N. Critical Analysis of the Concepts of Personalism and Expanded Psyche. Russian Journal of Philosophical Sciences. 2017; (12). (In Russ.)

6. Ivanov D. V. Externalism and the theory of extended mind // Filosofiya nauki i tekhniki. – 2019. – Vol. 24. – No. 2. (In Russ.)

7. Ignatov V. I. The problem of the boundaries of cognitive processes in the Modern Philosophy of Consciousness: an analysis of the positions of internalism and externalism on the example of the discussion about the expanded mind: 47.04. 01-Phylosophy. – 2019. (In Russ.)

8. Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. – Saint-Petersburg: Best Business Books, 2012. – 256 p. (In Russ.)

9. Knyazeva E. N. Telesnoe i enaktivnoe poznanie: novaya issledovatel'skaya programma v epistemologii //Epistemologiya: perspektivy razvitiya. M.: Kanon. – 2012. (In Russ.)

10. Lektorskiy V. A. Cognition, Action, Reality. Voprosy Filosofii. 2017. Vol. 9. (In Russ.)

11. Lektorskiy V. A. Philosophy, cognition, culture. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. (In Russ.)

12. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya // M.: Progress-traditsiya. – 2001. (In Russ.)

13. Popper K. R. The logic of scientific discovery. – M, 1983. (In Russ.)

14. Sub"ektivnyy mir v kontekste vyzovov sovremennykh kognitivnykh nauk / Obshch. red. i sost. V.A. Lektorskogo (Otv. redaktor), E.O. Trufanovoy, A.F. Yakovlevoy. – M.: Akvilon, 2017. (In Russ.)

15. Falikman M., Spiridonov V. Kognitivnaya psikhologiya: istoriya i sovremennost' // M.: Lomonosov". – 2011. (In Russ.)

16. Noe A. Action in Perception. – MIT press, 2004.

17. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991.

18. Sparrow B., Liu J., Wenger D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. Vol. 333. No. 6043. 2011.

THE PROBLEM OF BOUNDARIES OF COGNITIVE PROCESSES IN THE PHILOSOPHY OF MIND

PRONKINA Alexandra

Laboratory assistant,
State Academic University for Humanities,
Moscow, Russian Federation, alexrivkul@gmail.com

Keywords:
cognitive boundaries
ecological psychology
James Gibson
embodied cognition
Francisco Varela
sensorimotor enactivism
Alva Noë
extended cognition
David Chalmers
Andy Clark

Summary:
The article deals with a controversial problem of the philosophy of mind, known as the problem of cognitive boundaries. This problem is illustrated by the polemic between two actively debating philosophical positions – internalism, according to which mental states are localized in the brain, and externalism, which assumes that cognitive acts are not limited to our body. The author analyzes Andy Clark and David Chalmers's theory of extended cognitive processes and the extended mind, which is fundamentally new for the modern philosophy of mind and has taken on relevance today. It is shown that this concept is based on the idea of subject's activity, which has its roots in James Gibson's "ecological psychology", Francisco Varela's idea of "embodied cognition" and Alva Noë's theory of sensorimotor enactivism. The author comes to the conclusion that the theory of extended cognitive processes has a number of deficiencies, one of which is the dependence on external resources and tools. David Chalmers's thesis that we should not try to neutralize the negative effects of such dependency, but rather try to adapt our practices to the changing ways of thinking is seen as the way out of this problem.